

УДК 821. 161. 1

А.П. Казаркин

ПОТАНИН-ФОЛЬКЛОРИСТ

Г.Н. Потанин, признанный в свое время безусловным сторонником теории миграции сюжетов, относился к этой концепции критически и в споре с западниками, в первую очередь с А.Н. Веселовским, высказал «восточную» гипотезу, согласно которой «ордынский» эпос (тюрко-монгольский) повлиял не только на русские былины, но и на западноевропейские героические сказания.

Ключевые слова: сравнительно-исторический метод, мифологические герои, архаические сказания.

Наименее востребованной частью наследия Г.Н. Потанина в XX веке оказались его работы в области фольклористики, хотя многие современники признавали заслуги его в собирании сказаний и песен Сибири. М.К. Азадовский в своей «Истории русской фольклористики» свёл его заслуги в этой области к собирательству и систематизации материала. Я. Р. Кошелев написал первую работу о Потанине как фольклористе, но выводы его, с современных позиций, неприемлемы: «Теория, выдвинутая Потаниным об ордынском эпосе <...> не имела последователей в Сибири и на изучение русско-сибирского народного творчества влияния не оказала» [1. С. 187]. Это утверждение расходится с общеизвестными фактами: учениками Потанина признавали себя видные фольклористы и этнографы начала XX в., и без его наследия нет даже смысла рассуждать о сибирской школе в фольклористике. Потанин был вдохновителем и редактором известных в России и на Западе изданий: «Верхоянский сборник» (1890), «Балаганский сборник» (1903), одно из первых изданий бурятского фольклора, не вышел бы без настойчивости Потанина; знаменитый «Аносский сборник» (1915) также инспирирован Потаниным. Только казахским сказкам и песням начинающий исследователь посвятил около полутора тысяч страниц, опубликовав 222 текста. Позднее, во время экспедиций в Монголию, Китай и Тибет, он собрал обширный материал по восточному эпосу – около 300 произведений. Так, в «Очерках Северо-Западной Монголии» два выпуска (второй и четвёртый) – «материалы этнографические», 2-й том книги «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (СПб., 1893) также включает фольклорные записи и этнографические наблюдения. В целом это был дополнительный материал для компаративистики, недоступный её ведущим представителям. Потанинская «восточная» концепция сложилась в 80-е гг. как обобщение

материала, собранного им в экспедициях. Некоторые публикации явились совершенной новостью для востоковедов: «Тибетские сказки и предания», бурятские и монгольские легенды.

Уже в ранних публикациях начинающий исследователь высказал идею фронтального описания фольклора сибирских народов, критически высказался о состоянии русской фольклористики и сформулировал задачу для нескольких поколений сибиряков: создание свода русских сказок и песен Сибири не должно заслонять актуальную цель – систематизацию фольклора и мифологии «инородцев». Затем Потанин выпустил четыре инструкции для собирателей фольклора и обрядов Сибири, в том числе шаманских ритуалов. На раннем этапе Потанина-собираателя волновал вопрос о сохранности русской песенной традиции в Сибири. В 1873 г. он писал: «В Сибири русский народ утратил свою музыкальность вследствие звероловного быта <...> сибиряки “ревут” песни, по выражению одного путешественника по Сибири, и песни их отличаются такой же бедностью мотивов и вариаций, как песня сибирского соловья. Замечательно, что героические эпохи Ермака, Хабарова и других не оставили в Сибири песен» [2. Т. 2. С. 20]. В 1891 г. Потанин сформулировал задачу для ближайших поколений фольклористов: «...собрать фольклор тюркский, монгольский и тибетский и сравнить его с западными материалами» [2. Т. 4. С.199]. Программный характер имеет статья 1898 г. «О необходимости собирания сказок»: «Наши русские народные сказки о буребогатыре, бабе-яге – всё это, оказывается, шаманские легенды» (Образование, 1898, № 1). В предисловии к сборнику «Русские сказки и песни Сибири» (Красноярск, 1902) актуальной задачей он счёл восстановление «истории расселения сюжетов, совпадающей с историей культурных заимствований». В 900-е годы ряд статей исследователь посвятил сравнительно-историческому изучению

сказки; в цикле статей «Сказка с двенадцатью персонажами» выстроены параллели евангельских мотивов и восточного фольклора. Здесь видно, что Потанин разделял основные положения *миграционной* теории. Не отверг он и важнейшие положения мифологической школы, но свою гипотезу Потанин подтверждал природно-географическими факторами: Монголия не знала больших нашествий извне, отсюда «большие заносы с востока на запад и ничтожные с запада на восток». Оригинальность гипотезы Потанина – в допущении радикального влияния кочевников на культуру Запада. Он говорит о «культурной однородности» тюрко-монгольских этносов с европейцами в древности, ссылаясь на открытые в Южной Сибири письменные памятники (орхоно-енисейское письмо).

Заслуги русской фольклористики Потанин видел в собирании и систематизации героического эпоса, но считал, что «записывание былин завершилось», последние фрагменты их найдены в Сибири С. И. Гуляевым. Его собственная концепция обобщала наблюдения над мифами и героическими песнями кочевников степи. Архаичность их не вызывала сомнений, он признал их древнейшими из сохранившихся в живом исполнении и обращался к русским былинам лишь для сопоставлений с эпосом восточным: «Восточные основы русского былинного эпоса» (1881), «Громовник по поверьям и сказаниям племён южной Сибири» (1882), «Северноазиатская легенда о сыне неба» (1882), «Из монгольской мифологии» (1887). Одна из ключевых – статья «Монгольские сказания о Гэсэрхане: По вопросу о происхождении русских былин» (Вестн. Европы. 1880. № 9). Отдельное издание – «Отголоски сказки об Еруслане» (М., 1901). Наиболее полно концепция изложена в его книге «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М., 1899). Появившиеся затем книги «Сага о Соломоне» (Томск, 1912), «Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии» (Томск, 1916) разрабатывают частные темы и могли быть главами этой большой книги (893 с.).

Исследователь пришёл к выводу, что древнейший пласт центрально-азиатского песенного эпоса связан с образом Гэсэра, который предстаёт и шаманом-оборотнем, и культурным героем, и трикстером, и воином: брошенного в лесу или степи младенца находят случайные спасители, гонимый царевич восстанавливает свои права, отвоёвывает похищенную жену, в боях ему благоволит Небо. Далее Потанин сделал ошеломивший многих вывод: «христианство возникло в южной

Сибири или Северной Монголии», причём на основе «шаманского дуализма». В книге «Ерке» исследователь утверждал, что культ священного зверя – небесного посланца зародился в «шаманском дуализме Северной Азии» и затем получил распространение на Западе. Сын Неба в архаичном мифе предстаёт двояко – «в благом и суровом виде». Или он, «из дружелюбия к человеку, бунтует и против установленного творцом порядка, против установленной смертности человека», или, «униженный творцом, питая злобу против него, хочет отомстить ему разрушением творения» [3. С. 843]. Из этого образа развились классические легенды о Гэсэре, Карле, Чингисе. Надо напомнить, что и в ранних славянских героических песнях (напр., о Волхе Всеславьевиче, о Дунае) действуют волхвы, а затем появляются воины-богатыри, но «некоторые факты заставляют думать, что на месте богатырей стояли шаманы».

Потанина считали безусловным приверженцем школы «бродячих сюжетов», однако он подчёркивал, что миграционная доктрина не видит цельности национального героического эпоса, допускает только компиляцию, причём «обломки соединяются по новому плану без всякого напоминания об их прежних взаимных отношениях», а «если заимствование делается с культовой целью, то не в интересах местного культа, не для усложнения его, а в подрыв ему». Метод Потанина – сочетание приёмов сравнительной мифологии с теорией заимствования. Он раньше В.Я. Проппа сформулировал исходное положение ритуально-мифологической школы: героический эпос сложился как рассказ о божествах-хозяевах стихий. Наиболее ценным в фольклоре Потанин считал его стабильность, сохранение древнейших традиций. Миф для него, как и для сторонников мифологической школы (Ф. Буслаева и А. Потебни), – залог стабильности культуры, изначальная стихия миропонимания, тысячелетиями владеющая народным сознанием. Звёздная семантика сюжетов евразийского эпоса – оригинальное обобщение Потанина, не оценённая его современниками. Он искал астральный код сюжетов о сотворении мира, возможно, преувеличивая символическую ёмкость имён эпических героев. При этом историко-этнографические аспекты народного творчества Потанина интересовали больше, чем эстетические. Вместе с тем его волновали и проблемы нарождавшейся этнопоэтики.

Итак, одним из первых исследователь-сибиряк указал на недостаточное внимание к кочевникам великой степи («Пренебрежение учёных к степным народам задерживает развитие науки»), уви-

дел здесь и «арийское высокомерие», и «несмелость мышления, порабощенного рутинными взглядами и рутинными верованиями». Монголоцентристская гипотеза – возражение господствовавшей в ту пору западной концепции (почти во всех статьях и книгах Потанин спорит с А.Н. Веселовским). И ту, и другую концепцию можно обвинить в односторонности, с современной точки зрения, они дополнительные. В отличие от западников, Потанин искал матричный миф народов Востока и не считал важным для народа «разорвать путы обряда и обычая» (слова А.Н. Веселовского). В этом контексте Потанин предстаёт носителем ретроспективной утопии, что, до некоторой степени, отделяет его от позитивистов. Интерес исследователей к культуре «инородцев» Сибири значительно вырос после работ Потанина. Здесь он указал дорогу евразийцам. Книга «Восточные мотивы в средневековом европейском эпо-

се» была оценена по достоинству лишь во 2-й половине XX в. В. Я. Пропп, В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский, в советскую эпоху исследовавшие героический эпос, обратились к мифологии сибирских народов для понимания ранней стадии в развитии эпоса и фактически подтвердили многие предположения Потанина. В XX в. «монгольская» гипотеза была подхвачена в работах Л.Н. Гумилёва. Так что «неосновательная», на взгляд специалистов-современников, гипотеза Потанина оказалась весьма перспективной, что и позволяет видеть в нём основателя сибирской школы фольклористики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошелев Я.Р. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962.
2. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т. 2. С. 20.
3. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в западноевропейском средневековом эпосе. М., 1893.